

СКАЗОЧНЫЙ ДИСКУРС КАК ОТРАЖЕНИЕ МНОГОЗНАЧНОСТИ ФЕНОМЕНА ТЕКСТА СКАЗКИ

С.И. Синяева

*Аспирант кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации
e-mail: svetasin@yahoo.com*

Курский государственный университет

В данной статье предпринимается попытка рассмотрения таких лингвистических понятий, как текст и дискурс. Выступая как результатом деятельности автора, так и материалом для деятельности читателя, текст понимается как единица высшего уровня языковой системы, он наполнен не только языковыми средствами, но и осложнен индивидуальными интенциями и экстралингвистическими знаниями. В свою очередь под дискурсом понимается общее сочетание языка и культуры, содержащее в себе некий набор текстов, с помощью которых социально-исторические условия находят своё отражение, а также происходит процесс влияния на языковое развитие общества.

Текст сказки тоже представляет собой сложный объект исследования по причине своей многоплановости и многоуровневости его организации. Языковые средства, позволяющие автору воплотить творческий замысел, отображают действительность, традиции и культуру определенного этноса. Текст сказки рассматривается как многосоставная композиция, которая может представлять собой совокупность событий в определенном временном и пространственном континууме с волшебными элементами, что и выступает объектом изучения сказочного дискурса.

Ключевые слова: *текст, лингвистика, многозначность текста, дискурс, сказка, сказочный дискурс.*

Текст выступает одним из ключевых понятий большинства лингвистических и семиотических школ, функциональной стилистики, герменевтики, психологии и психолингвистики и ряда других научных воззрений, объектом которых выступают речевая деятельность как процесс и речевое произведение, как результат этой деятельности. Ставший предметом активного обсуждения многих учёных, текст до сих пор претерпевает эволюцию своего развития. Выступая одним из наиболее интенсивно развивающихся разделов языкознания, лингвистика текста в результате многочисленных исследований открывает новые возможности изучения ёмкой языковой единицы «текст», в которой получают объяснение многие грамматические явления, не укладывающиеся в рамках «предложения». Несмотря на увеличивающееся количество исследований по этой отрасли знания, становление лингвистики текста не может считаться завершённым [Москальская 1981: 7].

Текст является полисемантическим понятием, и, несмотря на достаточную его изученность, он выступает сложной научной проблемой из-за большого числа параметров для его определения. Феномен текста заключается в его многоаспектности, что допускает различные его определения. Приведем некоторые из них.

Универсальный словарь Дудена называет *текстом* последовательность выражений, фиксированную в письменной форме и определенную по содержанию. Данное определение отвечает основным признакам текста – когерентности и когезии [Duden 2003: 1574].

Схожее определение текста дают Л.Г. Фридман и Г.Я. Солганик, для которых *текстом* выступает последовательность речевых единиц, объединенных смысловой и грамматической связью [Фридман 1979; Солганик 1997]. Таких же взглядов придерживается и З.Я. Тураева, которая под *текстом* понимает сложное единство, структурно-семантическое образование, объединенное коммуникативной целостностью, смысловой завершенностью, логической, грамматической и семантической связями [Тураева 1986: 42].

В современной лингвистике текст считается одним из важнейших носителей смысла или «сообщение, то есть стихия сознания, в которой живёт и движется понимание» [Шпет 1990: 222] и признается «высшей реалией языка» [Золотова 1998: 6]. М.М. Бахтин отмечает отсутствие объекта для исследования и мышления, если нет текста [Бахтин 1986].

И.Р. Гальперин рассматривает текст как уникальное речевое произведение, отмеченное набором собственных текстовых категорий и свойств: завершенность, воплощение в письменной форме, текст состоит из одного или ряда предложений, объединенных разными типами лексической, грамматической, логической и стилистической связями с целью передачи пространственно-временной коммуникативной задачи [Гальперин 1981: 18].

Данные определения понятия «текст» не являются единственно-верными и неизменными: как любой объект исследования, текст по-разному понимается и определяется в современной науке. Существование множественности толкований термина подтверждает неугасаемый интерес к лингвистике текста, отраженный в концепциях и теориях российских и зарубежных представителей Пражского лингвистического кружка, немецкой лингвистической школы, российских лингвистических школ и направлений.

Необходимо отметить связь текста с психологией, философией, социологией и культурологией, которая проявляется в многоаспектности подходов к изучению текста сказки, а именно таких как: *лингвоцентрический* (соотнесенность языка и текста), *текстоцентрический* (текст как результат и продукт творческой деятельности), *антропоцентрический* (интерпретация текста в аспекте его

порождения и восприятия) и *когнитивный* (раскрывает процессуальную и динамичную природу текста).

Несмотря на многообразие определений, подходов и критериев изучения текста, большинство авторов под ним понимают осмысленную последовательность любых знаков, как и любую форму коммуникации, будь то это диалог или монолог, устная или письменная форма текста. Мы также придерживаемся мнения, что текст является результатом целенаправленного речевого творчества, целостное речевое произведение, коммуникативно-обусловленная речевая реализация авторской интенции.

Но путь к осознанию текста в качестве самостоятельной проблемы был медленным: с середины XX века в лингвистике определяющее положение занимал формалистский подход, изучающий семиологию языка, но при этом он ограничивал возможности сообразно провести интерпретацию лингвистического материала. Вследствие чего к 1970-80-ым годам, как отмечает Г.П. Грайс, «формализаторская редукция» языка и игнорирование человеческого фактора начали восприниматься как явные неточности [Грайс 1985: 217]. Таким образом, начался процесс перехода осмысления общественно значимой системы к осмыслению продукта деятельности человека её использующего, так как формой существования языка выступали тексты [Супрун 1974: 13]. По мнению П. Хартман, язык становится доступным наблюдению в текстовой форме [Hartmann 1971]. Он также высказал принципиально важную мысль для того времени: первичными языковыми знаками являются тексты, а не предложения (*originäre sprachliche Zeichen*): «Если мы говорим, то говорим текстами» [Hartmann 1971: 10, 12]. Как отмечает И.П. Сусов, в сфере изучения вербальных фактов, подвергая их более глубокому и всестороннему рассмотрению, «...теперь оказались «текст», «дискурс» и т.п. как непосредственные объекты описания» [Сусов 1988]. В результате чего появилась новая функционально-коммуникативная парадигма, основой которой выступает утверждение, что «никакие языковые явления не могут быть адекватно поняты и описаны вне их употребления» [там же].

Для нашего исследования проблема понимания текста и особенностей его языка представляет большой интерес с точки зрения функционирования сказочного дискурса, который на протяжении своего развития превращается в универсальное хранилище закодированной информации, для того чтобы помочь человеку, в первую очередь ребенку, усвоить культурные ценности, познакомить его с языком и искусством определенного этноса, стать символическим способом передачи данных и эмоций. Текстцентрический принцип лингвистических и культурно-семиотических исследований делает текст чем-то первичным для носителя языка и несет функцию обеспечения общей памяти народа. При этом язык сам вычленяется из текстов и становится его вторичной абстракцией.

По убеждению Ю.М. Лотмана, в процессе усвоения языка ребенком в его сознание вводятся не правила, а именно тексты, на основании которых он учится самостоятельно их же и порождать [Лотман 2000: 417]. Таким образом, тексты играют первичную роль для носителей языка, неся в себе функцию памяти того или иного народа. Комплексный процесс усвоения языка и текстов оказывает влияние на лингвокультурную систему ценностей, формируя определенный способ мышления. Здесь прослеживается связь текста и языка, за которой стоит уникальный мир знаний с разным набором текстовых и экстралингвистических реальностей. Данный арсенал знаний находит своё отражение в таком лингвистическом понятии как *дискурс*, под которым понимается связный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими факторами [Лингвистический энциклопедический словарь 1990]. Тексты и язык, как компоненты участвующие во взаимодействии людей и их когнитивных процессах, образуют целенаправленное социальное явление с сопровождением паралингвистических средств.

Исследование дискурса с позиции лингвистики и культуры ведет нас к изучению сказочного дискурса, под которым понимается определенный вид коммуникативной деятельности между адресатом и автором сказочного произведения, с помощью которого последний погружает читателя в пространство событий определенного композиционно-стилистического построения в устной или письменной форме с целью удовлетворения эстетических потребностей первого. Сама сказка содержит исторический, культурный и социальный опыт народа, по-своему отражает его мудрость, знания об окружающей среде и своеобразный свод правил, что делает её «аксиологически значимой» и раскрывает «какие ценности являются приоритетными для носителей данного языка [Акименко 2005].

Следовательно, сказочный дискурс объединяет общие категории сказочности и соединяет в системе вербальных и невербальных знаков важные для социума мифологические представления [Плахова 2013].

Сложность в осуществлении лингвистического описания текста сказок заключается в их жанровом своеобразии, в их структурной и сюжетной многогранности, а также в разнообразии подходов и критериев в понимании текста, языка и культуры. Но при этом неоднородность интерпретаций данных языковых явлений не противоречит и не исключает друг друга, а, наоборот, дополняет, вносит определенный вклад в поиск многозначных определений «текст», «дискурс», «сказочный дискурс», «язык», «культура».

В современном языкознании многообразии подходов к пониманию текста и дискурса в зарубежной и отечественной литературе показывает сложность и многогранность данных терминов. Однозначного их

толкования на сегодняшний день не существует, но лингвисты придерживаются позиции, согласно которой дискурс не равен понятию «текст», хоть он и определяется через текст. Б.М. Гаспаров называет дискурс «языковым существованием», важнейшим моментом жизни в языке [Гаспаров 1996].

По нашему мнению, сказочный дискурс тесно связан с реальной жизнью определенного этноса, создавшего ту или иную сказку, с его мифологемами и образными стереотипами. Уникальность идейного содержания, познавательного-содержательная сущность и неизменная художественная выразительность сказочного дискурса отражают фундаментальные представления по поводу устройства мира в результате игры воображения путем переосмысления: «Связь с действительностью ни в коей мере не противоречит положению о выдумке как одной из ведущих особенностей сказки. Ведь вымысел не только содержит в себе материал дидактики, но и помогает заглядывать вперед, видеть будущее» [Морохин 1983: 7]. Кроме того, для нашего исследования важен тезис о том, что в сказочном дискурсе осуществляется «процесс последовательного перехода результатов отражения, осознания, конструирования (моделирования) и означивания с уровня ментальной структуры на уровень семантической структуры» [Зубкова 2014: 238]. Логическая строгость языковой системы базируется на синтезе индивидуального осмысления окружающей действительности и культурных стереотипов, способствуя тем самым изменению картины мира продуцента и реципиента. Формирование общей доктрины сказочного дискурса предполагает совместное использование устного и письменного языка, которые являются необходимыми и дополняющими друг друга. Вербальная форма выражения языка сказки способствует созданию определённых убеждений или мнения реципиента через богатый и разнообразный фон, нередко характеризующийся объединением противоположных черт: тематической глобальности и пристрастности в решениях главных героев, согласованности и ясности в своих целях, неоднозначности поступков и терминологической пластичности, формализма и наличия риторических вопросов, критических отрицаний и однозначных утверждений. Следовательно, можно предположить, что в лексическом изложении тематический репертуар сказочного дискурса интегрирует этнические архетипы в языковую ткань при субъективации объекта действительности.

Полагаем, что существует связь текста и дискурса с точки зрения семиотики, которая рассматривает текст как осмысленную последовательность любых знаков и любую форму коммуникации, в том числе обряд, символ, танец, ритуал [Валгина 2003], в то время как дискурс неотделим от культуры народа, его традиций, он раскрывает картину мира посредством интра- и экстралингвистических факторов. «Традиции,

являющиеся устойчивой основой системы поведения человека в различных сферах жизни <...>, выполняют роль ориентиров, «предлагая» индивиду определенные образцы и модели поведения. Следование последним служит необходимым условием общественно-социальной жизни человека» [Зубкова 2013: 26]. Особенно ярко вербальное выражение национальных традиций и обрядов представлено в текстах сказок, в которых текстуальный материал един с его ритуальными и магическими функциями. Метаязык культуры текстов передает культурные коды, традиции и раскрывает источники изучения культуры народа и её древние составляющие. Сказка центрируется на сообщении, представленном конкретной формой, которую принимает информация при передаче продуцентом реципиенту и может относиться к литературным, философским, культурологическим текстам. Можно отметить значимость использования стилистических фигур и высокой степени символизма для оформления общей риторики иносказательности и привлечения внимания реципиента. Анализ сказок позволил проследить наличие ритуалов, обрядов, верований в сказочном тексте. Например, яркое присутствие символических образов в тексте мы находим в произведениях А. де Сент-Экзюпери, когда маленький странник отправляется в странствие и оказывается в пустыне, в огромном пространстве, где на тысячи миль вокруг нет ничего. Но следуя за размышлениями автора, мы оказываемся в мире, наполненном глубоким философским смыслом, ведь в Библии пустыня занимает важное место, как символ возможности посмотреть на свою жизнь и познать её смысл: *«Это, по-моему, самое красивое и самое печальное место на свете. Этот же уголок пустыни нарисован и на предыдущей странице, но я нарисовал еще раз, чтобы вы лучше его разглядели. Здесь Маленький принц впервые появился на Земле, а потом исчез»* [Сент-Экзюпери 2012: 59].

Для автора данной философской сказки образ пустыни олицетворялся с человеческими пороками, которые разрушают жизнь: *«Где же люди? – вновь заговорил наконец Маленький принц. – В пустыне все-таки одиноко... – Среди людей тоже одиноко, – заметила змея»* [там же]. При этом появление змеи также относит нас к библейским началам, где змея ассоциируется со злом, с искушением, в роли которого выступает пустыня. Но другим символическим образом у А. де Сент-Экзюпери выступает колодец, где вода является универсальным символом чистоты и самим источником жизни: *«Маленький принц спросил у летчика: “...Знаешь, отчего хороша пустыня?” И сам же дал ответ: “Где-то в ней скрываются родники...”*» [там же].

Что касается героев русских народных сказок, то они отправляются в потусторонний мир, который открывает много новых знаний: *«Не бойся! – сказала ему змея. – Иди теперь за тридевять земель, в тридесятое государство, в подземное царство, там мой батюшка царствует.*

Как придешь к нему на двор, будет он давать тебе много золота, и серебра, и самоцветных камней – ты ничего не бери, а проси у него с мизинного перста колечко. То кольцо не простое: если перекинуть его с руки на руку – тотчас двенадцать молодцев явятся, и что им ни будет приказано, всё за единую ночь сделают» [Русские народные сказки 1985: 201].

Этот пример не выступает единственным, так как сказка полна мотивов, содержащих в себе существование потустороннего мира и, конечно, возможность возвращения оттуда. И несмотря на фантастический характер сказки, в них отражается дух народа, его образ жизни и быта. Каждый народ несет свои сказки сквозь тысячелетия, в сюжете сказки можно восстановить картину мира далеких времен.

Символический переход в другой мир означает смерть героя, после которой наступает перерождение, например, как птица Феникс, которая возрождается из пепла снова и снова. В мифологии данный образ считают мифологическим отражением процесса восхода и захода солнца, внутреннего очищения человека в процессе духовного роста и преодолений: *«Райская птица, каждое столетие погибающая в пламени и вновь возрождающаяся из пепла, твои золотые изображения висят в роскошных чертогах богачей, сама же ты часто блуждаешь бесприютная, одинокая!.. Птица феникс, обитающая в Аравии, – только миф!»* [Андерсен 1979].

Сказочными символами наполнены и сказки Марии Французской: используя простой язык, лишенный вычурности и близкий к народу, поэтесса рассказывает о приключениях, сюжет которых был большей частью заимствован из кельтских преданий, где говорящие лани и заговоренные рубашки помогали героям достичь цели.

Как мы видим, к неотъемлемым компонентам сказочного текста относятся языковые средства, с помощью которых автор раскрывает свой творческий потенциал и отображает действительность и традиции, выступающие одной из обязательных составляющих фольклорного сознания и воплощения его в тексте. Следует отметить, что на ранней форме своего развития сказочный материал был представлен в устной форме, где рассказчики историй играли сразу несколько ролей: они выступали и героями, и слушателями, при этом каждый раз внося в свой рассказ новые элементы. Следовательно, сказка в устной форме выступала ситуативно-ролевым дискурсом. Но при переходе из устной формы коммуникации в письменную сказка стала обладать индивидуально-авторскими составляющими как создателя сказки (которые отражают процесс её порождения и ориентацию автора на те или иные ценности), так и процесс восприятия её читателем в силу его индивидуально-личностных особенностей интерпретации текста. Форма устного дискурса была подвержена видоизменениям, которые

вызвали переход устной коммуникации в письменную и сопровождали присвоение вербальной коммуникации художественно-эстетической функции. Теперь на первый план выходит язык в своём широком употреблении, а асимметрия взаимоотношений сказочника и слушателя больше не выступает основным признаком. Шаг за шагом сказочный дискурс наполняется все большей эстетической ценностью. В своем исследовании Н.А. Акименко пишет, что автор таким образом выражает свою лингвокреативность, свои специфические взгляды на происходящие события окружающей реальности, которые находят своё воплощение в функциональном, семантическом и лексическом своеобразии лингвистических средств разных уровней [Акименко 2005: 95].

Например, авторская индивидуальность проявляется в сказочных формулах (зачины, концовки, серединные формулы), указывающих на время и место создания сказки, в клишированных описаниях персонажей, а также в самой композиции сказки. Это особенно характерно для фольклорных сказок: русские народные сказки начинаются со слов «Жил-были...», «В некотором царстве, в некотором государстве...», большинство английских сказок начинается с фразы «*Once upon a time*», а французские – «*Il était une fois*». После знакомства с главными героями читатель отправляется с ними в путь, наполненный встречами с заколдованным миром, который преграждает путь главному герою. В то время как для литературных сказок характерно индивидуально-авторское отражение культурных ценностей в композиционном построении произведения, в характеристиках героев, в отражении современных ей общественных отношений, Л. Кэрролл начинает свое произведение с появления белого кролика, а главная героиня сказки Алиса была любопытной девочкой, поэтому хотела узнать, куда так торопился кролик: «*Alice was beginning to get very tired of sitting by her sister on the bank, and of having nothing to do: once or twice she had peeped into the book her sister was reading, but it had no pictures or conversations in it, "and what is the use of a book," thought Alice, "without pictures or conversations?"*» <...> *So she was considering in her own mind, (as well as she could, for the hot day made her feel very sleepy and stupid), whether the pleasure of making a daisy-chain would be worth the trouble of getting up and picking the daisies, when suddenly a white rabbit with pink eyes ran close by her*» [Carroll 1998: 1–2].

Побежав за ним, девочка упала в глубокую нору, оказавшись в прекрасном, но таинственном мире: мир Алисы перевернулся вверх тормашками – в том мире царил абсурд, и реальность смешалась с воображением: «*...Alice started to her feet, for it flashed across her mind that she had never seen a rabbit with either a waist-coat-pocket or a watch to take out of it, and, burning with curiosity, she ran across the field after it, and was*

just in time to see it pop down a large rabbit-hole under the hedge. In another moment down went Alice after it, never once considering how in the world she was to get out again... Presently she began again. "I wonder if I shall fall right through the earth! How funny it'll seem to come out among the people that walk with their heads downwards!.. <...> Down, down, down. "Dinah'll miss me very much to-night, I should think!" (Dinah was the cat.) "I hope they'll remember her saucer of milk at tea-time. Dinah, my dear! I wish you were down here with me! There are no mice in the air, I'm afraid, but you might catch a bat, and that's very like a mouse, you know. But do cats eat bats, I wonder?" [Carroll 1998: 2–3, 6].

Несмотря на доступность восприятия, данное литературное произведение выступает ярким примером своей эпохи, универсальным хранилищем закодированной информации. В данном случае сказочный дискурс иллюстрирует социальный порядок той культуры, которую представляет рассказчик.

Ч. Диккенс в своем сборнике повестей с новогодним названием «Рождественская песнь в прозе. Святочный рассказ с привидениями» посвящает любимому празднику англичан целиком только первую из всех повестей, а во всех остальных празднества даны лишь как эпизоды. К примеру, строфа первая повествует о старом мрачном скряге Э. Скрудже, который ничего не любит, кроме собственных денег, и даже в вечер сочельника Скрудж с трудом соглашается отпустить своего клерка с работы на празднование Рождества в кругу семьи, а сам при этом закрывает свою контору и идёт домой. Но дома перед ним неожиданно предстаёт дух его покойного компаньона Джейкоба Марли, умершего в сочельник семь лет назад: *«Marley was dead, to begin with. There is no doubt whatever about that. The register of his burial was signed by the clergyman, the clerk, the undertaker, and the chief mourner. Scrooge signed it. And Scrooge's name was good upon 'Change, for anything he chose to put his hand to. <...> Old Marley was as dead as a door-nail»* [Dickens 1847:7].

Дух Марли говорит Скруджу, что после смерти он был наказан за то, что при жизни не стремился творить на земле добро и помогать людям, и он не хочет, чтобы та же участь постигла и Скруджа: *«"At this time of the rolling year," the spectre said, "I suffer most. Why did I walk through crowds of fellow-beings with my eyes turned down, and never raise them to that blessed Star which led the wise men to a poor abode! Were there no poor homes to which its light would have conducted me!"»* [Dickens 1847:23].

А. Погорельский знакомит читателя с похождениями героя его повести следующим началом: *«Лет сорок тому назад, в С.-Петербурге на Васильевском Острове, в Первой линии, жил-был содержатель мужского пансиона, который ещё до сих пор, вероятно, у многих остался в свежей памяти, хотя дом, где пансион тот помещался, давно уже уступил место другому, нисколько не похожесу на прежний. <...> В числе тридцати или*

сорока детей, обучавшихся в том пансионе, находился один мальчик, по имени Алёша, которому тогда было не более 9 или 10 лет. Родители его, жившие далеко-далеко от Петербурга, года за два перед тем привезли его в столицу, отдали в пансион и возвратились домой, заплатив учителю условленную плату за несколько лет вперёд. Алёша был мальчик умненький, миленький, учился хорошо, и все его любили и ласкали. Однако, несмотря на то, ему часто скучно бывало в пансионе, а иногда даже и грустно. Особенно сначала он никак не мог приучиться к мысли, что он разлучён с родными своими» [Погорельский 2002: 2–3].

Идея времени и пространства присуща всем культурам, она оказывает влияние на особенности представлений людей о жизни, даже об их предназначении и судьбе. Индивидуально-авторская интерпретация того времени является не только результатом реалий того времени, но и личным осознанием того периода (А. Погорельский сочинил данную сказку для своего племянника Алексея, которому уделял много времени).

Несмотря на то, что дискурс выступает объектом ряда лингвистических исследований, сказочный дискурс остается наименее изученным. Он выступает многогранным понятием, для определения которого необходимо учитывать историю развития сказки того или иного этноса, отражающую его национальное многообразие. Таким образом, аксиологическая значимость сказки раскрывает исторический, культурный и социальный опыт народа, его знания об окружающем мире, то есть выступает ярким и своеобразным сводом правил национального менталитета. Способность языка аккумулировать представления об окружающем мире ярко выражена в произведениях народного творчества, а именно в сказках. Данный факт связан с тем, по мнению Л.В. Эпоевой, что «зафиксированные в фольклоре представления о мире влияют на отражение и формирование менталитета» [Эпоева 2007]. Естественные и искусственные коммуникативные средства сопоставляются с сознанием, мышлением и культурой, что обеспечивает их взаимодействие и проявление в различных контекстах.

Важность языка как средства общения и как инструмента мышления и развития культуры не раз подчеркивалась различными учеными. Например, В. Гумбольдт, называя язык органом, генерирующим мысль, делал акцент на едином целом языка с интеллектуальной деятельностью. В свою очередь, Э. Сепир указывал на тот факт, что «язык непрерывно следует за мышлением» [Сепир 1993: 193], несмотря на то, что его структура и форма скрыты и могут быть объяснены только в определённых условиях.

Что касается культуры, она выступает универсальным феноменом, свойственным каждому социуму и представленным в виде образца смыслов, системы переходящих от поколения к поколению представлений с дальнейшим уточнением и расширением знаний о жизни. Многие учёные

сходятся на мысли, что роль языка в обогащении культуры очевидна, поэтому каждая языковая картина мира объединяет историю, язык и мышление [Гачев 1999, Сепир 1993].

Постигая национальную культуру, люди расширяют свои знания о «чужой» картине мира, делая свой внутренний мир богаче. И одним из самых первых источников данного познания выступают сказки, которые на разных этапах своего развития приобретают особенные черты, жанровые и стилистические особенности, воспроизводимые благодаря системе вербальных и невербальных знаков. Многовековая история сказки делает её динамичным и развивающимся жанром художественной литературы, что приводит процесс изучения сказочного дискурса к более детальному и многоаспектному исследованию. Дискурс даёт возможность анализировать текст сказки в качестве сложного знака, который объединяет в себе знания автора и знания об окружающем мире с учетом взаимодействия с читателем. Таким образом, эстетическая ценность сказочного произведения раскрывается как через образ жизни народа, его накопленный опыт, так и через индивидуально-авторские мироощущения, которые находят своё выражение в символических образах действительности, и при этом происходит двойная интерпретации картины мира.

Очевидно, что чтение сказок выступает необходимым и закономерным этапом взросления личности любого человека независимо от национальности, места и времени рождения, особенностей культуры страны. Бесспорно, сказка выступает жанром народного творчества, оказывает большое влияние на развитие литературы народа в определенный культурно-исторический период (разделение фольклорного и сказочного дискурса) и имеет огромное значение на формирование когнитивной, ментально-культурной функций национального языка. Но с другой стороны, подвергаясь обработке, сказка начинает передавать элементы авторской картины мира. В связи с чем можно сделать вывод, что изучение и исследование природы дискурса сказки имеют важное значение: дискурс позволяет увидеть многоаспектность и многообразие феномена текста сказки, проанализировать возможное воздействие других типов дискурса на когнитивное восприятие носителей языковой культуры.

Библиографический список

Акименко Н.А. Лингвокультурные характеристики англоязычного сказочного дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 193 с.

Андерсен Г.-Х. Сказки. Изд. 2-е. Перевод с датского А.В. Ганзен, А.И. Кобецкой, А.Я. Эмзиной, Ю.Я. Яхниной. Л., Детская литература, 1979. 319 с.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 297 – 325, 421–423 (прим.).

Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос. 2003. 173 с.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования: монография. М.: Наука, 1981. 140 с.

Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Нов. Лит. Обозрение, 1996. 352 с.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИДИК, 1999. 368 с.

Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. С. 217–237.

Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова; Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М.: Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. 524 с.

Зубкова О.С. Функциональная релевантность контекстуальной, социальной, институциональной и идеологической означающих практик (попытка расширения понятийного аппарата) [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2013. № 2 (14). С. 23–33. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/2171/ (дата обращения: 19.02.2021 г.).

Зубкова О.С. Метафорическая категоризация пространства профессиональных языков как рефлексия характера восприятия // Когнитивные исследования языка. 2014. № 19. С. 237–245.

Лотман Ю.М. Проблема «обучения культуре» как типологическая характеристика // Семиосфера. Культура и взрыв. СПб., 2000. 152 с.

Москальская О.И. Грамматика текста. М.: Высшая школа, 1981. 183 с.

Морохин В.Н. Прозаические жанры русского фольклора: хрестоматия. 2-е изд., доп. М., 1983. 303 с.

Плахова О.А. Лингвосемиотика английской сказки: жанровое пространство, знаковая репрезентация, дискурсивная актуализация: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Волгоградский гос. ун-т. Волгоград, 2013. 49 с.

Погорельский А. Черная курица, или Подземные жители. М.: Эксмо, 2002. 318 с.

Русские народные сказки / Сост., вступ. ст. и примеч. В. П. Аникина; Рис. Е. Коротковой и др. М.: Правда, 1985. 574 с.

Сент-Экзюпери Антуан де. Маленький принц [пер. А. Шарова]. М.: Книги «Искателя», 2012. 61 с.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1993. 656 с.

- Солганик Г.Я.* Стилистика текста. М., 1997. 256 с.
- Супрун А.Е.* Вероятностный характер языка и описание грамматической системы // Грамматическое описание славянских языков. М.: Наука, 1974. С. 12–22.
- Сусов И.П.* Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: Процессы и единицы. Калинин, 1988. С. 7–13.
- Тураева З.Я.* Лингвистика текста. М., 1986. 127 с.
- Фридман Л.Г.* Грамматические проблемы лингвистики текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. Л., 1979. 52 с.
- Шпет Г.Г.* Герменевтика и ее проблемы // Контекст. 1990. М., 1990. 375 с.
- Эпоева Л.В.* Образные художественные средства в языке волшебной сказки. Культурная жизнь Юга России. 2007. № 1. С. 48–50.
- Ярцева* - Лингвистический энциклопедический словарь / Главный редактор В.Н. Ярцева. М.: «Советская энциклопедия», 1990. 688 с.
- Carroll L.* Alice's adventures in Wonderland. Volume One Publishing. Chicago, Illinois, 1998. 105 p.
- Dickens Ch.* A Christmas carol in prose. A ghost storn of Christmas. London: Chapman and Hall, 186, Strand. 1847. 93 p.
- Duden* – Duden Deutsches Universalwörterbuch / Duden.–4, bearbeitete und erweiterte Auflage. Mannheim, 2003. Band 4. 1892 s.
- Hartmann P.* Texte als linguistischen objekt // Beiträge zur Textlinguistik / hrsg. von W.-D. Stempel. München: W. Fink, 1971. S. 9–29.